

Павел ЧХАРТИШВИЛИ

Павел Чхартишвили родился в 1948 году в Москве. Окончил Московский техникум автоматики и телемеханики и исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал механиком-прибористом, техником-конструктором, статистиком, учителем истории. 40 лет работал в Государственном архиве РФ, почётный работник этого архива. Печатался в журналах «Вопросы истории», «Преподавание истории в школе», «День и ночь», «Север», «Урал», «Подъем», «Южная звезда», «Сура», «Байкал»; в «Независимой газете». В «Волге» публикуется с 2018 года. Живет в Москве.

СМЯТЕННЫЙ ХОЛОД ОСЕНИ

Рассказ-зарисовка

1. Обстановочка

В пору листопада Москва пробуждает в умах поэзию. Ранней и поздней осенью славно писалось Александру Сергеевичу Пушкину. После аудиенции 8 сентября 1826 года в Кремле у императора Николая Первого Павловича и перед возвращением в ноябре того же года в Михайловское русский гений жил в Первопрестольной на Старой Басманной улице и размышлял над завершением пятой главы романа «Евгений Онегин».

Прошло 164 года.

Две Германии объединились. Президента СССР наградили Нобелевской премией мира. Удмуртия и Башкирия объявили себя союзными республиками, Армянская ССР провозгласила свою независимость. В столице Союза сотни тысяч митинговали с плакатами «КПСС капут!», «Сам вышел из КПСС – помоги товарищу!», «Бориску на царство!» и другими, не хуже. С трибун говорилось:

– Родная партия, верная социалистическому выбору, довела страну; зарплату платят, а товаров нет, в Москве пропал хлеб.

Власть теряла точку опоры, не знала, за что хвататься, как теперь быть, что делать, как себя вести.

2. Муж и жена Гавриченко

Ольге Аверьяновне было двадцать семь лет. Она уволилась из Госархива, ушла в кооператив, где платили почти в два раза больше, и шила спортивные костюмы. Но через полгода кооператив развалился. Женщину взяли в архив обратно, снова старшей научной сотрудницей.

Утро было ясное, небо – голубое, как весной. Гавриченко приехала на работу в югославских сапогах «Костанай» (чего стоило их достать!).

Начальник отдела собрал всех и объявил:

– Норма два дня на исполнение одного запроса устарела. Ввожу новую норму: один день на исполнение одного запроса.

Подчинённые молчали. Ольга Аверьяновна спросила:

– Это будет согласовано с профсоюзным комитетом?

Шеф не ответил.

После собрания Гавриченко пошла в хранилище за архивными делами. А там шла съёмка фильма. Режиссёр ей предложил:

– Сыграйте прокурора.

– Как? – удивилась архивистка.

– Сядете за стол и будете листать документы. Только халат снимите.

Так Ольга Аверьяновна побыла актрисой.

В это время муж её Терентий Остапович, сорокадвухлетний ведущий инженер, навещал свою подругу Виолетту Матвеевну Милашину. Подруге было тридцать восемь, её сын служил матросом на Северном флоте. Виолетте был необходим мужчина в доме, прежде всего в качестве опоры в жизни, как и всякой нормальной женщине. Гавриченко любил её и жену Ольгу. С женой у него совпадала большая часть интересов, но Ольга была слишком юной. Милашина же обладала уникальным жизненным опытом, к тому же была феноменально интересным человеком. Терентий Остапович не изменял жене физически, секс как таковой значил для него мало, ему было интересно не тело, а душа.

Вечером Ольга Аверьяновна рассказала супругу о съёмках. Это его рассмешило. Сообщила ему также, что начальник не собирается согласовывать повышение нормы с профкомом. Терентий Остапович ответил:

– Профком не станет противоречить администрации.

Они пошли в универмаг, пришли за полчаса до его закрытия. На втором этаже увидели небольшую очередь. Что дают? Японские зонтики фирмы «Три слона». Постояли, после чего Ольга Аверьяновна показала продавщице синюю визитную карточку покупателя со своей фотографией. Такие карточки выдавали в ЖЭКах москвичам, чтобы иногородние ничего не могли купить в столице. Ей продали зонтик, на этикетке были изображены три слоника. Когда выходили из торгового зала, очередь уже тянулась по лестнице. Но время работы магазина кончилось.

Вернулись домой. Жена сказала, что сходит, купит ещё один зонтик: племяннице. Наутро явилась в универмаг к открытию. Но выяснилось, что все зонтики уже проданы. Как же так? Ведь ночью магазин не работал.

Терентий Остапович прокомментировал:

– Они хороший товар продают в самом конце рабочего дня, для вида. После закрытия пробивают все чеки и забирают товар себе, для перепродажи по другой цене.

Над входом в ЖЭК висел плакат «Поддержим курс партии на трезвость!». Гавриченко выпивал редко и немного, но надо было отоварить полученные в ЖЭКе разноцветные, с печатью Моссовета талоны на водку. Он подошёл к очереди в винный магазин. В ней стояло немало пенсионерок, продававших своё место в очереди желающим. Среди них он увидел соседку по этажу. Она его впустила. Мужчина, стоявший за ней, запротестовал. Женщина ему соврала:

– Это мой зять.

Через полчаса к Терентию Остаповичу приблизился его знакомый, спросил:

– Ты мне занял?

Что Гавриченко мог поделать? Он сам влез без очереди. Если бы он ещё кого-то впустил, их бы убили обоих. Терентий Остапович отрицательно повёл головой.

С того дня знакомый перестал с ним здороваться.

До закрытия магазина очередь не прошла. Люди записались на следующий день, номера писали фломастером на руках. Некоторые остались дежурить – держать очередь на ночь. Утром Терентию Остаповичу повезло: его очередь ещё не прошла. Он простоял час на холоде, очередь застыла на одном месте. Гавриченко пошёл ко входу в магазин. У входа стояли два крепких парня, они пускали в магазин кого-то из очереди и двух своих приятелей. Эти приятели, взяв водку у хорошо знакомой им продавщицы, шли к началу очереди, где водку продавали по двойной цене желающим, потом опять шли в магазин. Возмущённый ведущий инженер попытался пройти в магазин. Его не впустили. Из магазина вышли двое и начали его бить, приговаривая:

– Пошёл вон! Это наш магазин.

(Магазин был государственным.)

Терентий Остапович упал. Кровь летела по асфальту.

Проходил сержант милиции, не стал вмешиваться. Гавриченко встал, обтёр лицо платком и вернулся к своему месту в очереди.

3. Супруги Логуновы

Онколог-уролог Илья Владимирович на митинги не ходил, но рыночных реформ ему хотелось. Он жил с женой и дочкой в двушке близ метро. С юности привык к утренней промывке мозгов политикой. Сегодня выбрал на книжном развале газету «Альтернативная позиция». Обратил внимание на разложенные продавцом удостоверения. Лежала красная корочка с названием «ЦРУ». Логунов спросил:

– Почему надпись «ЦРУ» – на русском языке?

Продавец задумался. Тут же красовалась «Моя борьба» Адольфа Гитлера с физиономией усатого фюрера на обложке. Илья Владимирович подумал: ну и ну.

В вагоне метро было тесно. На кольцевой удалось сесть. Он вынул газету и прочитал, что свободный рынок и честная конкуренция послужат гарантией дешевизны продуктов и товаров, экономический либерализм неизбежно предопределяет демократический политический режим. Вот и славно, подумал он.

В хозрасчётной поликлинике Илья Владимирович объяснил семидесятилетнему посетителю, что у того весьма вероятен клинически незначимый рак простаты, и только; такой рак, в отличие от агрессивного рака, не убивает. Посоветовал старику успокоить родных, соблюдать диету, принимать таблетки, через год снова замерить ПСА и явиться для проведения МРТ органов малого таза.

Логунов полагал, что врач должен не поднимать пациенту настроение гуманным враньём, а сообщать истину.

В конце дня к нему зашёл поболтать сексолог Терехов. Илья Владимирович обычно налегал на темы о жизни и о её смысле. Сексолог кивал и рассказывал примерному семьянину о том, с кем вчера спал. Терехов любил женщин, не идеализируя их. Он считал, что хотя все женщины суетны и завистливы, даже лучшие из них, но они всё равно, в подавляющем большинстве, лучше и интереснее мужчин. С мужчинами (кроме Ильи Владимировича) ему было скучно. Ещё он умел в условиях тотального дефицита доставать спиртное, а на вопросы отвечал:

– Места надо знать!

Супруга Ильи Владимировича, тридцатипятилетняя Ираида Степановна, редактор, с утра спорила с прозаиком, не соглашавшимся изменить идиотские названия своих хороших рассказов. Так ничего и не добиравшись, оставила как было.

В издательстве квартальная премия издавна представляла собой определённый процент оклада, одинаковый у всех сотрудников. Но недавно директор заявил на собрании:

– Прекращаем уравниловку. У тех, кто в квартале работал лучше, процент оклада будет выше.

Актёрский зал затаил дыхание.

И вот на доске объявлений появилась ведомость на премию за третий квартал. Все примчались её читать. До инфарктов и заявлений об уходе дело не дошло, но сколько было смертельных обид! В итоге директор решил отказаться от новшества и впредь не травмировать людей.

Он единственный в издательстве ездил в загранкомандировки и из сэкономленных командировочных составил себе состояние в иностранной валюте. Коллектив завидовал. Возмущённая Логунова повесила на доске объявлений дацзыбао о митинге во дворе.

Было прохладно, но народ собрался. Из подъезда вышел директор и пристроился к толпе. Сказал:

– Я полноправный сотрудник и имею право прийти на митинг.

Ираида Степановна говорила о его командировках и о том, что в эпоху гласности коллектив должен сам выбирать директора. Зачитала проект резолюции. Но коллеги в присутствии босса не поддержали реформатора.

4. Дети

Восьмиклассника Витю Гавриченко учитель спросил:

– Какая партия свергла якобинцев?

У парня вертелось в голове: бургундцы... нидерландцы... Наконец вспомнилось:

– Термидорианцы.

Потом писали сочинение на вольную тему. Гавриченко описывал хоккейный матч «Динамо» (Москва) – «Сокол» (Киев), в котором москвичи победили 5:3.

В конце урока учительница попросила Сашу Логунову прочитать своё произведение. Девочка вышла к доске, и у Вити дух захватило. Саша читала о вокзалах, расставаниях, встречах. На одноклассников повеяло чем-то взрослым.

После занятий Витя пригласил Сашу в Макдональдс. Долго стояли в очереди. Вошли. Там было чисто, красиво и продавщицы не ругались. У Гавриченко водились денежки, поскольку он по воскресеньям продавал парфюмерию. Шиканул: два гамбургера, две кока-колы и два молочных коктейля. Десять рублей. Потом, когда шли домой, рассказал Саше о поведении покупателей духов. Подходит человек и говорит:

– Как дорого!

Гавриченко:

– Так ведь французские.

Подходит другой и говорит о тех же духах:

– Как дешево! Это не Франция.

Витя:

– Это Франция, Ульрик де Варенс, могу вам подороже продать.

Проводил Сашу до подъезда. Она поцеловала его в щёку. В холодный вечер в душе парня разлилось тепло.

5. Снова муж и жена Гавриченко

На прилавках уже не было почти ни черта. Но Ольга Аверьяновна всё равно боялась, что правительство отпустит розничные цены: тогда всё появится, но уже по ценам чёрного хода и заднего крыльца. И так плохо, и так плохо.

Возвращаясь из архива, зашла в подвал магазина за заказом, включавшим батон столовой колбасы, килограмм гречки, 250 граммов халвы, чай грузинский «экстра» и 56-граммовую баночку икры зернистой пастеризованной. Встала в очередь. В подвал вошёл мужчина и протянул продавщице пустую литровую банку. Через минуту она ему вынесла эту банку, полную красной икры. Мужчина так же молча взял банку и ушёл. Очередь разинула рты. Гавриченко оторопела.

Дома её муж читал газету «Свободный референдум». Узнал из неё, что цензура будет запрещена, что свобода жизненно необходима любому, к тому же она укрепит Союз Республик; государства, из которых уйдут советские войска, не станут членами НАТО. Оставалось порадоваться. Он подумал о подруге. Милашина была личностью светлой и абсолютно позитивной. Вспомнил её упрёк: «Ты обленился и опустил. Бросай курить, начинай качать пресс и бицепсы».

Потом по второй программе Центрального телевидения показывали встречу московских читателей с русской советской писательницей. Супруги Гавриченко привыкли к тому, что всем известные люди нередко, собрав полный зал, несут чепуху. Но дама удивила. Её спросили:

– В вашей повести «Вечер в Валмиере» русский мужчина из Красноярска встречается прохладной осенью красивую латвийку, влюбляется в неё и объясняется в любви. Это вами придумано или было на самом деле? Улвис Калныньш, корреспондент газеты «Циня».

В ответ прозвучало:

– Это не придумано, это было, это было всегда и это будет всегда, что бы ни говорили и ни писали в Риге и Москве.

6. Опять Логуновы

Ираида Степановна возвращалась с работы. В подземном переходе озябшие пожилые люди предлагали прохожим тапочки, зажигалки, перчатки, батарейки, «Красное и чёрное» Стендаля, «Свой круг» Людмилы Петрушевской, носки, дипломы, дыню, тёмные очки. Женщина с толстой пачкой газет кричала:

– «Дайджест» – вечерний информационный бюллетень!

Логунова купила «Дайджест».

В универсаме, предъявив визитную карточку покупателя, приобрела 240-граммовую банку килек в томатном соусе, которыми в восемьдесят седьмом году угощалась в Москве британский премьер-министр госпожа Маргарет Тэтчер. Ещё Ираида Степановна ухватила (повезло) последние девять люля-кебабов. Всё пригодится к юбилею мужа.

Дома, сняв пальто, села в кресло с «Дайджестом». Новости были судьбоносные: защитник съел доказательства из дела; слепому инвалиду подарили телевизор; выпивший автомобилист не сел в машину, а пошёл пешком; публичные дома возвратятся; генетики доказали, что отец всегда старше своего сына; на совещании из шкафа неожиданно вышел человек; презервативы – лучшим из лучших...

В это время её муж шёл от метро к дому. Бодрящий холод обволакивал тихий переулочек. Медленно кружились и падали листья, раскрашенные талантливой колеровщицей – природой. О чём мыслит человек, которому в воскресенье стукнет сорок? Илья Владимирович подумал: впереди полжизни. И ещё подумал: попрошу Терехова раздобыть вино.

Всей семьёй смотрели по первой программе ЦТ популярную информационно-развлекательную программу «Взор». Ведущий объяснял, почему даже во время перестройки длинная очередь в мавзолей:

– Это городская достопримечательность. Если бы там лежал не лысый дурак Ульянов, а величайший египетский фараон Тутмос Третий – Наполеон Древнего мира, то хвост, состоящий из гостей столицы, был бы ещё больше.

Затем Саша смотрела «Марафон-15», в котором ей нравилась рубрика «Между нами девочками». В своей комнате слушала записи Ласкового мая: «И об осени забыли мы, но она поспешила напомнить школьной формой, холодным дождём... и трава, и жёлтые листья... пожелтели аллеи, тропинки... я так жду в осенний день немного лета... и осени дым, и осени дым».

Ираида Степановна легла спать.

Илья Владимирович жалел, что совсем забыл латынь. Да и студентом он её толком не знал. У него всю жизнь было хобби: стихосложение. Он напевал под три аккорда на самодельные мелодии свои стихи гостям, те хвалили и уверяли его, что он поэт. К чести Логунова, он в этом сомневался. Сейчас подумал о концерте Юлия Кима, на котором был недавно с женой. Вспомнилась строка из песни: «Ой, правое русское слово – луч света в кромешной ночи!..».

Ирина Степановна проснулась и спросила:

– Ты что не ложишься?

Супруг зачитал:

Юлий Ким, Юлий Ким,
Я хотел бы быть таким.
Пусть очки, пусть малый рост.
Он с гитарой, он не прост.
Боевитость и азарт,
Одарённый тонкий бард.
Настоящий менестрель:
Попадает точно в цель.
О любви и о войне,
О тебе и обо мне...

Жена подала мысль:
– Пошли Юлию Черсановичу.

Она вспомнила, как в первые годы замужества, когда Илья находился в соседней комнате, у неё таяло сердце от счастья, что он здесь, рядом.

Логунов ходил, садился, вставал, всматривался с надеждой в законную тьму, мечтая продолжить стихотворение. Но никто из космоса больше ничего ему не диктовал.

2021